

Л. А. Нефёдова, Э. Ш. Никифорова
КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПОДСУДИМОГО

L. A. Nefedova, E. Sh. Nikiforova
COMMUNICATIVE TACTICS OF THE ACCUSED IMAGE CREATION

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00455 а «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности».

Повышенное внимание к речевому поведению в сфере профессиональной коммуникации обусловило интерес к личностным и социальным сторонам деятельности говорящего. В статье рассматривается такая характеристика поведения языковой личности, как стратегии и тактики коммуникативного воздействия в текстах русского, казахского и американского судебного дискурса. Предметом исследования выступают тактики отрицательной и положительной характеристики для создания образа подсудимого.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов при разработке курсов судебной и общей риторики, теории дискурса, социолингвистики, прагмалингвистики. Собранный материал может послужить теоретической базой при разработке рекомендаций по совершенствованию умений судебного говорения.

В работе использованы следующие методы исследования: гипотетико-индуктивный, интерпретация, контекстуально-функциональный сопоставительный качественный и количественный анализ, сплошной выборки.

Исследователи стремятся выявить зависимость речевого поведения профессиональных участников судебной коммуникации от их социальных ролей, характеристик коммуникативной ситуации и особенностей национального менталитета.

Обнаружено, что русскоязычный судебный дискурс характеризуется конфронтационностью, стремлением к моральной оценке действий подсудимого; казахоязычный – стремлением к достижению компромисса, преобладанием моральной оценки действий подсудимого; американский – сокращением дистанции общения между профессиональными участниками и аудиторией, большим разнообразием применяемых приёмов.

Current researchers' attention focused on speech behavior in professional communication field presupposes special interest in individual and social aspects of the speaker's activities. The article deals with such an aspect of linguistic individual's behavior as communicative influence strategies and tactics in the texts of Russian, Kazakh and American trial discourse. The subject of research is tactics of negative and positive characterization for the creation of the accused image.

Practical significance of the work lies in the possibility of the results' use while working out courses in Trial and General Rhetoric, Discourse Theory, Social Linguistics, Pragmatic Linguistics. The data collected may serve theoretical foundation for manuals in mastering trial speaking. In the work the following research methods were implemented: hypothetical inductive, interpretation, contextual functional comparative quantitative and qualitative analysis, continuous sampling.

The research is aimed at identifying the correlation between speech behavior of professional participants of trial communication and their social roles, communicative situation features and peculiarities of ethnic mentality.

It is revealed that Russian trial discourse is characterized by confrontation, striving at moral evaluation of the accused actions; Kazakh – by striving at compromises, moral evaluation of the accused actions; American – by less distance of communication of professionals and the audience,

greater variety of the means used.

Ключевые слова: судебный дискурс, стратегия коммуникативного воздействия, тактика отрицательной характеристики, тактика положительной характеристики, речевое поведение, образ подсудимого.

Keywords: trial discourse, communicative influence strategy, negative characteristics tactics, positive characteristics tactics, speech behavior, image of the accused.

Одной из характеристик текстов судебного дискурса являются стратегии коммуникативного воздействия, рассматриваемые как последовательность речевых действий, направленных на реализацию интенций говорящего с целью достижения задачи общения.

Отметим, что сам термин появился в рамках военного дискурса, где под стратегией понимают общий план деятельности, направленный на достижение цели. В военной науке также чётко прослеживается соотношение тактики, как единичного хода, и стратегии, как цепочки ходов, реализуемых в определённой последовательности. В лингвистике стратегии привязаны к определённому типу дискурсивного взаимодействия, закрепляясь за теми или иными социальными институтами и ролями. Вариативность и гибкость в построении коммуникативных стратегий достигается применением определенного набора коммуникативных тактик, используемых в определённых комбинациях, выбор которых определяется коммуникативным намерением и ситуацией.

Остановимся подробнее на характеристиках стратегической составляющей судебной коммуникации. В этой связи, на наш взгляд, представляют интерес исследования О. Н. Тютюновой и Т. В. Дубровской, которые рассматривают судебную коммуникацию в качестве институционально организованного общения и акцентируют внимание на его стратегической составляющей. Так, О. Н. Тютюнова отмечает, что использование в судебном дискурсе коммуникативных стратегий жёстко детерминировано статусом его участников. Исследователь обращает внимание на разделение участников судебного процесса на профессиональных (адвокат, прокурор, судья) и непрофессиональных (свидетели, подсудимый) и увязывает их стратегическое поведение с особенностями их статуса. Каждая из стратегий реализуется определённым набором коммуникативных тактик [5, с. 127–129, 197].

Т. В. Дубровская, рассматривая речевое поведение судей в ходе судебных процессов, публичных выступлений и интервью, также указывает на то, что оно отмечено спецификой, что обусловлено, наряду с национальными чертами представителей судейского корпуса, особенностями устройства института правосудия и статусом судей. Исследователь также отмечает, что определенная степень гибкости речевого поведения судьи и участников судебного процесса возможна благодаря использованию разных речевых тактик при выполнении более общих стратегических задач [1, с. 135–147].

Остановимся подробнее на том, какие именно коммуникативные тактики в рамках стратегий привлекаются профессиональными участниками судебного процесса (прокурорами и адвокатами) для создания образа подсудимого. Дело в том, что эта фигура судебного процесса привлекает к себе особое внимание, а в её трактовке и представлении кроются основы противоречий и целевых установок защиты и обвинения. Итак, обратимся к тактикам отрицательной и положительной характеристики подсудимого. Как правило, процессуальные оппоненты прибегают к данным тактикам в ходе судебных прений и выстраивают своё речевое поведение по модели своего рода «спарринг-партнёров»: в противовес отрицательным характеристикам обвинения защита приводит смягчающие обстоятельства, пытается представить обвиняемого жертвой неблагоприятных факторов, тяжёлой жизненной ситуации и т. п.

Согласно сложившемуся порядку ведения судебного заседания, первым слово в ходе прений получает обвинитель. Как правило, в своей речи прокурор стремится создать психологический портрет преступника, раскрыть механизм совершённого преступления,

показать качества подсудимого, которые отразились в его действиях. Профессиональная этика требует, чтобы эта отрицательная характеристика была корректной и обоснованной, поэтому обвинитель должен быть сдержан в выборе слов и выражений, не имеет права прибегать к насмешкам, оскорблениям и другим приёмам, унижающим честь и достоинство человека [3]. Нельзя не учитывать и тот факт, что во время судебного заседания прокурор характеризует человека, вина которого ещё не доказана. С другой стороны, целью обвинения является формирование негативного отношения к подозреваемому. Все выше перечисленные обстоятельства определяют особенности реализации тактики отрицательной характеристики подсудимого или его действий.

Отметим, что тактика отрицательной характеристики имеет свои особенности в рамках разных лингвокультур. Итак, англоязычные прокуроры, характеризуя подсудимого, стараются не прибегать к прямому указанию на личностные качества, на первый план выдвигается характеристика совершённых действий, но и здесь прокуроры дистанцируются от ситуации, пытаясь предоставить суду объективизированные свидетельства совершённого преступления, имплицитно подводя к тому, что определённые качества подозреваемого или обстоятельства его жизни привели к совершению преступления. Моральные оценки не выдвигаются на первый план, присутствуют в скрытом виде, акценты расставляются таким образом, чтобы подчеркнуть то, что индивид, обладая свободой выбора, делает его в пользу противоправных действий. Интересен и тот факт, что представителям американского правосудия приходится прибегать к большому разнообразию приёмов при реализации тактики отрицательной характеристики. О характере подсудимого может сказать, например, метод совершения самого преступления, на чём настаивает прокурор в следующем отрывке: «...*this is not the mark of a professional killer. These are not efficient murders. These are murders that are really slaughters, that are personal.... they reveal a great deal about who did them: no stranger, no Colombian drug dealer – a man who was involved with his intended victim, one who wanted to control her and failed. And in failing, found the one way to keep her under control where she could never slip out of it again. And that man is the defendant*». Преступление характеризуется как нечто глубоко личное (*slaughters, personal.., involved with his intended victim, one who wanted to control her and failed*). Активно эксплуатируется идея гендерного равенства, популярная в западных культурах (*who wanted to control her and failed. And in failing, found the one way to keep her under control where she could never slip out of it again*). Прокурор рисует образ семейного тирана, человека, который стремится контролировать всех и вся (*control – freak*). Этнокультурную специфику усиливает прецедентный феномен (*Colombian drug dealer*), имплицитно указывая на привычный типаж преступника, который ассоциируется с неоправданной жестокостью. Большое значение в американском правосудии придаётся и категории предумышленности, в данном случае, используется эпитет «*intended*» в сочетании со словом «*victim*». Многочисленные повторы призваны закрепить в сознании присяжных основные моменты (***These are(1) not efficient murders(2). These are(1) murders(2) that are really slaughters; who was involved with his intended victim, one who wanted to control her***). В этой связи необходимо упомянуть тот факт, что американские юристы в большинстве случаев в своих речах стараются использовать понятный, но экспрессивный язык, чтобы «достучаться» до присяжных.

Если речь идёт о профессиональной несостоятельности, влекущей за собой преступление, общая тональность отрицательной характеристики меняется: прокурор пытается доказать, что подсудимый намеренно пренебрёг своими обязанностями, приводя факты, собранные в ходе следствия: «*And there is no question that the defendant knew those rules and regulations. In August 2002 he discussed explicitly those rules and regulations of moving Yersinia pestis with a colleague at the University of Texas Medical Center in Galveston. Rules good enough for the colleague, but rules not followed by the defendant*». Кроме чёткой аргументации, автор прибегает к дополнительным приёмам, подчёркивающим его основную идею. Так, слово «*rules*» встречается четыре раза в трёх предложениях, причем, трижды в составе фразы «*rules and regulations*», хотя эти слова в общем можно считать синонимами в данном

контексте. Такая перенасыщенность отрывка словами с семантическим компонентом «правило; то, что правильно», в сочетании с эпитетами «good enough» и «not followed», выражающими диаметрально противоположные идеи, подталкивает слушателей к единственно возможному выводу: подсудимый пошёл на преступление, сознательно пренебрегая своими профессиональными обязанностями.

Иногда прокурор вводит прямую речь, ссылаясь на показания потерпевшего, характеризуя подсудимого через призму восприятия заинтересованного лица, той фигуры, с которой большинство присяжных, вольно или невольно, ассоциируют себя. В нашем случае, жертва – среднестатистическая американка: «... *she's going to tell you that this defendant came up to her and got as close as almost face to face. She could feel his breath on her face, and he began to, ... punch her, over and over and over again. And the words that he said to her were these: "Do you like it? Now I'm going to cut your nose. And now I'm going to cut your ear. How does it feel? Do you like it?" And she'll tell you that he talked to her as if he were making love to her, and she thought she was just being punched*». Подчёркивается несоответствие между словами и действиями подсудимого, с одной стороны (*Now I'm going to cut your nose. And now I'm going to cut your ear. How does it feel?*), и интимным характером ситуации (*came up to her and got as close as almost face to face , he talked to her as if he were making love to her*), с другой. Это несоответствие косвенно характеризует обвиняемого как человека, способного на жестокое преступление.

При общей тенденции к косвенной отрицательной характеристике обвиняемого, в речах американских прокуроров, заметим, что, когда преступление вызывает широкий общественный резонанс, и/или имеет ярко выраженный политический подтекст, прокурор может давать эксплицитные отрицательные характеристики, иногда крайне эмоциональные. Это объясняется повышенным общественным вниманием, тем, что резонансные процессы сильно напоминают шоу и, следовательно, строятся по законам шоу. Кроме того, отметим, что в США большинство процессов являются открытыми, а резонансные процессы собирают большую аудиторию, следовательно, судебные речи превращаются в развёрнутые публичные выступления, активно цитируемые в СМИ и зачастую создают профессиональную репутацию юриста на долгие годы. Приведём в качестве примера отрывок из речи прокурора по делу, связанному с террористическими атаками в Нью-Йорке 11 сентября 2001: «*Those killers had lived among us for months, planned for years to cut our throats, hijack our planes, and crash them into buildings to burn us alive. On that day, September 11, 2001, a group of cold blooded killers from distant lands capped their plan, their conspiracy, to kill as many innocent Americans as possible*» (примечательно частотное употребление слов с семантикой «убийство, намеренное лишение жизни», кроме того, для лучшей визуализации и повышения эмоционального воздействия описываются разные виды убийства (*to cut our throats, to burn us alive*), для усиления эффекта вводятся эпитеты (*cold-blooded killers , innocent Americans*, причём противопоставление и в этом случае налицо: «*хладнокровные убийцы*» и «*невинные американцы*»). На уровне текста автор апеллирует к идее противопоставления «свой-чужой», подразумевая оппозицию «хороший =свой» – «плохой = чужой»: *killers from distant lands(плохие) – among us, innocent Americans (хорошие)*.

Русскоязычные и казахоязычные ораторы прибегают к прямой отрицательной характеристике самого подсудимого и его действий, зачастую давая моральные оценки, подчёркивая отрицательные с социальной точки зрения черты. Представители русской лингвокультуры зачастую стараются восстановить справедливость, моральные нормы. Исследователь Р. Ратмайр связывает это с так называемой «культурой вмешательства», считая вмешательство характерной чертой русского общения [4]. Набор же приёмов, реализующих тактику отрицательной характеристики, не отличается большим разнообразием, а предпочтение эксплицитной формы подачи придаёт этой тактике агрессивный характер: «*Артемьев убивал Стефанцова осознанно, сознательно причинял ему особые страдания и мучения, т. е. действовал с особой жестокостью*» (прокурор чётко расставляет акценты, эксплицитно обозначая свою позицию).

«Сотталушының жағдайын жеңілдететін мән жайларға кінәсін мойындап отырғанын, іс бойынша залал толығымен жәбірленушіге қайтарылғанын, жақсы мінездемесін, жастығын жатқызуды сұраймын, ал ауырлататын мән жайларға оның бұрын сотты болғанын, соттылығы жойылмағанын, тағыда қылмыс жасап отырғанын жатқызуды сұраймын. Сондықтан сотталушы Р. Д. Абиевке жазаны бас шарасынан айыру арқылы мүлкін тәркілемей тағайындауды жөн деп табамын». В данном отрывке прокурор пытается дать объективную характеристику подсудимого, подчёркивая, что имеются смягчающие обстоятельства (кінәсін мойындау, залал толығымен жәбірленушіге қайтарылу, жақсы мінездеме, жастығы, то есть искреннее раскаяние, полное возмещение материального ущерба, положительные характеристики, молодой возраст), но их перевешивают факты, отягчающих вину (бұрын сотты болу, соттылығы жойылмау, тағыда қылмыс жасау подозреваемый ранее был судим, снова совершил преступление, следовательно, склонен к совершению преступлений и должен быть наказан, несмотря на смягчающие обстоятельства). Общество, выразителем ценностей которого является прокурор, не может доверять человеку, который не извлекает моральных уроков из своих действий. Необходимо отметить то, что в данном случае рассматривается стандартный набор социально значимых, маркированы характеристик: признание/не признание вины, характеристики с места жительства, работы возмещение/не возмещение причинённого вреда, факт предшествующего привлечения к уголовной ответственности и т. п., при этом характеристика прокурора не носит ярко выраженного отрицательного характера, близка к нейтральному тону с элементами морально- социальной оценки.

К тактике отрицательной характеристики подсудимого прибегают все прокуроры – представители рассматриваемых лингвокультур. С другой стороны, задачей их оппонентов – защитников является создание положительного или неотрицательного образа подсудимого. Этой цели служит тактика положительной характеристики. Но расхваливать подсудимого с психологической и социальной точки зрения некорректно, это вызвало бы отторжение у слушателей в силу того, что «подсудимый» – негативная социальная роль. Адвокаты, учитывая эту особенность, избегают прямого указания на положительные качества подсудимого, зачастую прибегая к отрицанию отрицательного: «...she is not a perfect person... But under all of it you will see a warm and kind heart. You will come to know that Mrs. Buckley does not molest children. You will come to know that Mrs. Buckley does not slaughter animals». Подсудимая, по мнению адвоката, не идеальна (not a perfect person), но при этом добра (метафорические эпитеты «warm and kind heart»), не причиняет вреда детям и животным (параллелизм и отрицательные конструкции «does not molest...does not slaughter»), что наводит на мысли об абсурдности обвинения в жестоком обращении с детьми. В американском обществе любовь к животным является одним из обязательных качеств, присущих хорошему человеку, а любовь к детям свойственна представителям всех лингвокультур.

«Допрошенные в качестве свидетелей Галкин, Федоров и Воробьев показали, что хорошо знакомы с Пименовым. И охарактеризовали его как человека не агрессивного, даже когда Пименов был пьян». Приведённую характеристику подсудимого нельзя считать однозначно положительной (когда был пьян, то есть часто бывал в подобном состоянии), но тем больше доверия вызывают показания свидетелей, характеризующих его как «человека не агрессивного», то есть не способного к совершению инкриминируемого ему преступления. Этнокультурная специфика отражается в референции к «употреблению спиртных напитков», что актуально для русской лингвокультуры, в которой к алкоголизму существует двойное отношение: с одной стороны пьянство порицается, с другой, вызывает понимание, рассматривается как своего рода «социальный смазочный материал», способствующий снятию барьеров в общении (Для почину выпить по чину).

«Сотталушы бұрын сотталмаған, наркотикалық, психиатриялық есепте тұрған жоқ, әкімшілік жауапкершілікке де тартылмаған». Адвокат выстраивает характеристику

подсудимого путём отрицания негативных аспектов: сотталмаған – не судим, есепте тұр.ған жоқ – на учёте не состоял, тартылмаған – не привлекался. Выступающий отталкивается от стереотипов, существующих в казахстанском обществе: если человек не состоял на учёте в психоневрологическом диспансере и не привлекался к уголовной ответственности, значит он – приличный человек и ему можно верить (так называемый «эффект положительной репутации»).

Во всех рассмотренных нами текстах приёмы реализации тактики положительной характеристики подсудимого идентичны, но в речах русскоязычных и казахоязычных адвокатов, алгоритм и форма их предъявления носят формализованный характер: «не судим, не привлекался, не состоял, знакомыми характеризуется положительно», в то время как американским адвокатам в большинстве случаев приходится прибегать к более свободной композиции построения характеристики и к разнообразным приёмам при её реализации: «*His life began to return to normal from having paparazzi following him around in New York and taking his picture every time he walked out of his apartment building, from banner headlines screaming that he was guilty of Kathy Durst's disappearance. He came to Galveston where he didn't have to be Bob Durst anymore, where he could just be a normal person. He didn't have to be the wealthy son of Semour Durst. He could just be an ordinary person*». Адвокат применяет антитезу, описывая жизнь подсудимого до его переезда в тихий городок (*paparazzi following him, banner headlines screaming that he was guilty of Kathy Durst's disappearance*) и жизнь в нём (*he didn't have to be Bob Durst anymore, he could just be a normal person, didn't have to be the wealthy son of Semour Durst, could just be an ordinary person*). Он прибегает к этому сравнению, чтобы показать, что у подсудимого не было желания совершать преступление, привлекать к себе внимание, он просто хотел быть нормальным человеком в глазах окружающих, самим собой, а не просто отпрыском богатой и знаменитой семьи (*didn't have to be the wealthy son of Semour Durst*). Помимо антитезы для усиления эмоционального эффекта оратор использует ряд стилистических приёмов: олицетворение (*banner headlines screaming*), эпитеты и повторы (*normal life, normal person, ordinary person*, причём «*normal*» и «*ordinary*» в данном контексте могут рассматриваться как синонимы), параллелизм (*he could just be a normal person, he could just be an ordinary person; didn't have to be Bob Durst anymore, didn't have to be the wealthy son of Semour Durst*), подчеркнутую модальность (*didn't have to be Bob Durst, could just be a normal person, didn't have to be the wealthy son, could just be a normal person*).

Итак, при реализации тактики отрицательной характеристики подсудимого нет больших расхождений: все прокуроры с примерно одинаковой частотой прибегают к ней, различия наблюдаются на уровне структуры. Так, американские прокуроры подвергают отрицательной характеристике виновные действия подсудимого, рассматривая их с точки зрения законности/противозаконности, подчёркивая свободу выбора индивида и идею личной ответственности за данный выбор. Прокуроры практически не прибегают к моральной оценке действий подсудимого. Более того, они опираются на идею возмездия (*retribution*), отвечающую особенностям американского менталитета: совершая преступление, человек должен быть готов понести наказание. Представители русской и казахской лингвокультур, напротив, основной акцент делают на аморальности того или иного действия. В качестве отрицательных характеристик приводятся склонность к алкоголизму, проявление неуважительного отношения к старшим, женщинам, нарушение моральных норм, принятых в обществе. Такое поведение российских и казахстанских юристов можно считать проявлением «судейского комплекса».

Эта черта русского менталитета была выделена К. Касьяновой и охарактеризована, как желание вникать в чужие проблемы, не касающиеся их лично, чтобы восстановить справедливость, моральные нормы [2, с. 235]. Кроме того, казахстанские прокуроры при реализации тактики отрицательной характеристики подсудимого придерживаются и принципа сбалансированности: давая отрицательную характеристику, приводят также и характеристики, которые можно было бы рассматривать в качестве смягчающих

обстоятельств (ссылки на тяжёлое материальное положение, слабое здоровье, проблемы воспитания). Это делается для того, чтобы слушатели могли составить объективное мнение о личности подсудимого, а судья при вынесении приговора учёл все «за» и «против». Кроме того, подобное поведение представителей казахской лингвокультуры объясняется такими чертами менталитета, как сдержанность в суждениях, рассудительность, тактичность.

Что касается тактики положительной характеристики обвиняемого, следует отметить, что представители русской и американской лингвокультур одинаково редко прибегают к ней, но по разным причинам. В американской лингвокультуре не принято давать какие-либо личностные характеристики, наблюдается тенденция к представлению объективного и детального отчёта о событиях, а присяжные самостоятельно принимают решение. В русской лингвокультуре не принято давать положительные характеристики подсудимого в силу укоренившегося в менталитете русского, а скорее даже советского человека, убеждения в том, что на скамью подсудимых не попадают просто так. Казахские юристы в этом вопросе проявляют большую толерантность: во всех рассмотренных нами делах найдены ссылки на положительные характеристики с места жительства или работы, приведены такие аргументы, расцененные нами в представленном контексте в качестве положительных характеристик, как *«сотталмаган – не судим, есепте тұрған жоқ – на учёте не состоял, тартылмаган – не привлекался»*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дубровская, Т. В.** О речевом взаимодействии судьи с представителями обвинения и защиты в жанре судебного допроса / Т. В. Дубровская // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. Филология. – 2009. – No 5. – Т. 2. С. 135–147.
2. **Касьянова, К.** О русском национальном характере / К. Касьянова. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 367 с.
3. **Кобликов, А. С.** Юридическая этика. – 1999. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/koblikov_jur/02.aspx.
4. **Райтмар, Р.** Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Р. Райтмар. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.
5. **Тютюнова, О. Н.** Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса / О. Н. Тютюнова: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 / О. Н. Тютюнова. – Волгоград, 2008. – 247 с.

Список источников анализируемых текстов

1. **Обвинительная речь по делу Артемьева.** – Режим доступа: ilibrary.nsaem.ru:8000/mm/2011/000152410.doc.
2. **Речь адвоката Свирина «Дело об убийстве на сексуальной почве» (дело Пименова).** – Режим доступа: <http://www.den.lv/index.php?s=4f4eabe94c7ce7dc3129d642772d27bd&showtopic=21219&pid=385755&mode=threaded&show=&st=0>.
3. **Протокол судебного заседания по делу А. Ашимбаева от 12.01.2011, г. Чу, Жамбыльской области.**
4. **Протокол судебного заседания по делу Р. Д. Абиева от 26.01.2011, г. Чу, Жамбыльской области.**
5. **Statement for the defense delivered by defense attorney Dick DeGuerin at the Galveston County murder.** – Режим доступа: <http://www.criminaldefense.homestead.com/Durst.html>.
6. **The Wig Shop Murder. The Prosecution Opening Statement.** – Режим доступа: <http://criminaldefense.homestead.com/Dror.html>.
7. **Opening Statement of Dean Gits, Defense Counsel for Peggy McMartinBuckey in the McMartin Preschool Abuse Trial.** – Режим доступа: <http://www.law.umkc.edu/.../trials/>

mcmartin/openingst.

8. **Excerpts from prosecutor Marcia Clark's** closing arguments Sept. 26, 1995, in the O.J. Simpson murder case. – Режим доступа: <http://www.usatoday.com/news/index/nns28.htm>.

9. **Opening Statement** of U. S. Attorney Robert Spencer in the Zacarias Moussaoui Trial (March 6, 2006: pages 21–46 transcript). – Режим доступа: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/moussaoui/zmmacmahon.html>.

10. **Opening Statement** by Government before the Honorable San R. Cunnings, United States District Judge and a Jury in the Butler case N. 5:03 – CR – 037 – C, Lubbock, Texas. November 3, 2003. – Режим доступа: <http://www.fas.org/butler/sentence.html>.